

DOI 10.22394/1818-4049-2019-87-2-107-116  
УДК 316.612(470)

**М. П. Арутюнян**

## **Духовно-нравственный потенциал России в самосохранении ценностного мира культуры**

**Автор** обращается к цивилизационным вызовам и экзистенциальным рискам техногенной цивилизации; обсуждает механизмы разрушения ее духовных ценностей; характеризует кризисные явления современного образования, связывает их с утратой образованием его антропологической сущности, разрушением мировоззренческой парадигмы и доминированием технологических стратегий. Обсуждая вопросы «опережающего образования», автор обосновывает важность воспроизводства в образовании онтологической целостности феноменов «человек» – «мировоззрение» – «образование» – «культура»; характеризует духовно-нравственный потенциал России в самосохранении ценностного мира культуры, обращаясь к отечественной культурно-исторической традиции самосохранения форм целостного мировоззрения в контекстах русской философии, потенциала классических религий России, народных культур, опыта межнациональной и межконфессиональной коммуникации. Ставя вопросы активизации субъективного фактора современной истории и культуры, автор ставит вопросы необходимости, с одной стороны, совершенствовать систему управления, активизируя имеющиеся позитивные и жизнеутверждающие достижения цивилизации, а с другой – действительно противостоять имеющимся разрушительным тенденциям ее саморазвития.

**Ключевые слова:** техногенная цивилизация, риски, разрывы бытия, кризис культуры, духовные ценности, целостное мировоззрение, опережающее образование, традиции-новации.

**В** развитии современной цивилизации особенно остро встает проблема воссоздания духовно-нравственного потенциала человека и общества. Наряду с экономикой, политикой, правом духовная деятельность традиционно осуществляла (и всегда должна осуществлять) ответственную миссию регуляции и гармонизации социальных отношений. С процессами коренных цивилизационных трансформаций, происходящих в глобальном мире, нарушаются исто-

рически сложившиеся и закреплённые социокультурной традицией устойчивые модели самосохранения культурно-исторического социокода<sup>1</sup>. Изменяются веками отработанные исторические формы инкультурации. При этом существенно деформируется системная целостность процессов социализации и образования, что приводит к нарушению онтологической воспроизводимости целостности «человек – мировоззрение – образование – культура», существенно

<sup>2</sup> Феномен «социокод» в онтологическом значении рассматривается как внебиологическое средство кодирования, хранения и трансляции условий существования индивида; как «глубинное ядро цивилизации и культуры», несущее информацию «продукта деятельности, переведенного в общественное достояние и отчужденного от человека», однако нормативно задающего определенный тип поведения и способы жизнедеятельности людей [Бучило Н.Ф. Социокод. Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003. С. 945]. Понятие «социокода культуры» многомерно и разнопланово. Одним из первых, как отмечается в исследованиях, его ввел в социологическую теорию М. Н. Петров, обращаясь к культуре в работе «Язык, знак, культура» (1991 г.) как «обширному социальному тексту».

**Маргарита Павловна Арутюнян** – д-р филос. наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин, Тихоокеанский государственный университет (680035, Россия, г. Хабаровск, улица Тихоокеанская, 136). E-mail: mpa@email.su

значимой для самосохранения качества человеческого, исторической трансляции качества «человечности» бытующего в мире человека. Феномен мировоззрения занимает в этой целостности и такой трансляции особое значение – экзистенциальной ответственности за ценностный мир актуальной культуры, гармонизацию «духовного» и «практического» человеческой жизнедеятельности [Арутюнян, 2016].

Вместе с тем реальная картина жизни, как правило, не совпадает с идеальными моделями и образами воспроизводства духовно-возвышенных ценностей. Действительная жизнь и ее история вносят в экзистенциальную логику свои жесткие коррективы, ставя многочисленные проблемные вопросы, требующие глубокого осмысления и практического решения. В этом плане практически значимым становится «экзистенциальное оживление» высоких нравственных императивов. Однако сегодня при внешнем, отчасти поверхностном взоре на мир повседневности, на господствующие в нем ценностные доминанты нередко ставится под сомнение сама экзистенциальная значимость таких нравственных императивов; обсуждается потенциал альтернативных, постмодернистских влияний на мир ценностей человека [Данилкова, 2018. С. 33–37]. Быть может, человеку эпохи высоких технологий не стоит стремиться к нравственным идеалам, воспринимать императивы и ценности «высокой» культуры – этого богатейшего и во многом онтологически «избыточного» ценностно-смыслового универсума человеческого бытия? А если это не так, что же происходит сегодня с этим универсумом?

Через господствующую ныне «массовую культуру», охватывающую сферу повседневности, в жизненный мир, как мы увидим далее, проникают механизмы экзистенциальных «разрывов», «расколов»<sup>2</sup>. Актуальным становится дефицит «высших ценностей» [Павленко, 2003]. Человек не задумывается над вопросами цели и смысла жизни; нужны ли ему идеалы,

доминантны ли нравственные ценности в интерпретации и выборе поступков и т. д. Моральная норма, экзистенциально отчуждаясь, перестает мотивировать нравственное чувство, целеполагание и поступок человека...

Каковы же истоки и механизмы подобных трансформаций в современном мире? В какой мере они закономерны, и под силу ли человеку сегодня предотвратить возможную необратимость столь существенных и глобальных (однако только на первый взгляд лишь поверхностных и локальных) цивилизационных трансформаций? Обратимся к некоторым из многочисленных в этом проблемном поле вопросов.

Человеческая цивилизация к началу XXI в. убедительно демонстрирует себя в качестве «техноцентричной» и «рискогенной». Приоритетные направления ее саморазвития, ключевые вызовы и стратегические прорывы направлены прежде всего на сферы экономики и рыночных отношений; научно-технического прогресса и роста качества труда, самосовершенствования профессионализма работников. И лишь косвенно они затрагивают не менее цивилизационно значимые для человеческой истории и современности антропологические проблемы, вопросы самосохранения человеческого лица мира. Последствием данного состояния и ориентиров саморазвития глобального мира становятся не только проблемы и риски нарушения стабильности, качества жизни человека, но и обнаруживающаяся очевидность «пределов роста» самой техногенной цивилизации.

**Риски утраты духовности и проблемные контексты образования.** «Стандартизация», «коммерциализация», «капитализация», «монетизация», «виртуализация», «цифровизация»... и другие термины актуального цивилизационного тезауруса все более и более проникают в сферу образования, становятся знаковыми для нее. Реформы современного образования коренным образом трансформируют его исходные ценностные основания [Арутюнян, 2006 ; Бим-Бад,

<sup>2</sup> Открытая конференция МГБУСОШ № 32 «Мировоззрение в школе: проблемы, поиски, решения» : видеозапись конференции часть 1. URL: [school32.edu.27.ru/files/pedsovet\\_po\\_mirovozzreniyu\\_28\\_09\\_2011-1.mp4](http://school32.edu.27.ru/files/pedsovet_po_mirovozzreniyu_28_09_2011-1.mp4) ; часть 2. URL: [school32.edu.27.ru/files/pedsovet\\_po\\_mirovozzreniyu\\_28\\_09\\_2011-2](http://school32.edu.27.ru/files/pedsovet_po_mirovozzreniyu_28_09_2011-2).

1988. С. 51–55 ; Будущее..., 2014 ; Крюков, 2018]<sup>1</sup>. Вместе с тем «онто» образования (его глубинная сущностная основа) бытийно ответственен прежде всего за высокое качество социокультурного воспроизводства человека [Арутюнян, 2006 ; Арутюнян, 2004 ; Берестовицкая, 2018 ; Бим-Бад, 1988. С. 51–55], а «уровни компетенций» и «качество профессионализма» могут быть лишь производными от него [Арутюнян, 2016 ; Арутюнян, 2004 ; Курдюмов, 2003]<sup>2</sup>... . Показательно, что целевые ориентиры именно качественного образования с его экзистенциальной заботой о человеке полноценно воспроизводятся российской духовной традицией – в содержании ее народных культур, классических религий, российской педагогической мысли, русской философии [Арутюнян, 2016 ; Берестовицкая, 2018 ; Глобализация..., 2010 ; Ерасов, 1994 ; Крюков, 2018]<sup>3</sup>.

Актуально звучат сегодня мысли В. В. Розанова в его известной работе «Сумерки просвещения». Мыслитель усматривает «проблему и тайну дела образования» своего времени в его «неодухотворенности, бескультурности... в развенчании бюрократических форм, примененных к духовному деланию, в создании условий культурного труда, культурного воздействия учителя на ученика, культурного восприятия этих воздействий; в выработке духовных, идеальных способов воздействий на духовные, на идеальные стороны в мальчике, в девочке, юноше, девушке. «Естественные науки, – нам говорят, – прикладные знания». В. В. Розанов восклицает: «Боже мой, разве питомцы Института путей сообщения, разве наши «лекаря», отлично знающие одни – механику и математику, другие – физиологию, – суть тип людей, имея которых, нам не остается ничего еще пожелать? Дайте нам просвещенного, образованного человека, дайте нам человека не на словах гуманного – вот чего мы днем с огнем не можем отыскать; а уж будет ли он инженер, чиновник, учитель – это дело второстепенное» [Розанов, 1990. С. 172–173].

Замечательные слова! Но, конечно же, целиком и полностью согласиться с аргументацией философа и встать на его позицию в реалиях нашего времени и наших цивилизационных забот образования вряд ли возможно. Мир высоких скоростей и интенсивных ритмов бытия кардинально меняет оценочные контексты рефлексии образования. Однако самый главный – экзистенциальный – акцент рефлексии образования сохраняется неизменным, а именно – воссоздание и хранение образа Человека – его *образование*.

С какими же проблемами мы сталкиваемся сегодня в действительности образования? В самом общем плане альтернативой и реальной угрозой самосохранения «онтоса» образования становится его тотальное сущностное «размывание» укореняющейся моделью «техногенного человека» [Франк, 1996]. Это может происходить в социальной системе, формально воспринимающей и воспроизводящей подлинные ценностные приоритеты. Известно, что на уровне формальных ориентиров, прописываемых инструктивными документами, нормативными актами, заключениями и декларациями соответствующих государственных служб, экзистенциальные вопросы и проблемы образования в логике ценностных ориентиров обучения и воспитания, несомненно, ставятся. Вместе с тем они нередко лишь заявляются и, проективно не реализующиеся, разбиваются самой практической логикой образования [Очкина, 2014]<sup>2</sup>. Подобные изъяны, как видится, легко встраиваются в техноцентричную модель парадигмы образования [Арутюнян, 2006 ; Арутюнян, 2004 ; Храпов, 2014. С. 66–77]. Но, с другой стороны, они демонстрируют явный дефицит внимания исполнителей подобных стратегий к отечественной духовной традиции, настойчиво предостерегающей от возможностей и механизмов утраты образованием его глубинной антропологической меры. И в современных российских исследованиях свидетельств тому немало. Можно привести размышления о «кризи-

<sup>3</sup> Системный кризис отечественного образования как угроза национальной безопасности России и пути его преодоления // Русская народная линия. Православие Самодержавие Народность. URL: <https://www.google.com/search?q=русская+народная+линия+православие+Образ+самобытного+пути+России...> (Дата обращения 31. 05. 2019).

се педагогики» (А. Асмолов), «системном кризисе отечественного образования» и его связи с «угрозой национальной безопасности» (разработчики проекта «Русская народная линия» информационно-аналитической службы «Православие Самодержавие Народность»)<sup>3</sup>.

С позиций философско-методологического исследования, названные состояния образования и ведущие к ним стратегии могут свидетельствовать о тотальных разрывах глубинной онтологической целостности «человек – мировоззрение – образование – культура» [Арутюнян, 2016]. В свою очередь, сами эти разрывы, как мы увидим далее, фиксируют цивилизационные нарушения стабильности культурно-исторического социоклада, наиболее полно и цельно представленного ценностным миром традиционных типов культур. С одной стороны, перерастание цивилизацией относительно устойчивых этапов ее классических периодов функционирования, а с другой – сложный характер современного цивилизационного развития (включающего состояния хаотичности и непредсказуемости трансформаций), а также отсутствие разработанного методологического механизма их рефлексии, объясняют возникновение многих проблем отечественного образования, требующих своего концептуального осмысления и практического, прежде всего, управленческого решения [Князева, 2005 ; Курдюмов, 2003 ; Мокий, Мокий, 2014; Очкина, 2014. С. 181–214].

Обратимся к некоторым из них. В стратегической линии «опережающего образования»<sup>4</sup>, к примеру, в его основании четко заявлена соответствующая «духу времени» доминанта техноцентричных

приоритетов. Однако в исходных формулировках понимания опережающего образования ориентируется на решение целого комплекса ключевых проблем современности. Они включают не только преодоление глобальных рисков и масштабное противостояние их стихийному саморазвитию (в социально-экономических, политических, экологических, культурно-исторических и экзистенциальных реалиях), но и позицию «перспективных требований к человеку как целостному субъекту», способному адекватно ориентироваться в условиях социальной нестабильности и перемен, готовому к различным видам инновационной социокультурной деятельности, т. д. Вместе с тем по существу своему «человекомерный» формат данных стратегий просто декларируется. На деле же он не занимает должных практико-ориентированных позиций в нормативно-управленческих и проективных тактиках. В доминирующих стратегемах образования Человек-субъект фактически задается и оценивается, прежде всего, такими форматами, как «успешный профессионал», «компетентный деятель» и «творчески мыслящий специалист». Соответственно и оценивается он по преимуществу новыми звучными мерками «человеческого капитала».

И вновь антропомерная, онтологическая сущность образования, призванного в качестве своей основополагающей стратегии воспроизводить и продуцировать «человеческое качество» бытия, человечность человека, нивелируется, редуцируется и подменяется сущностно иным, внешним для этого качества, исключительно техноцентричным основанием<sup>5</sup>. Глубинное, внутреннее в челове-

<sup>4</sup> Логика «опережающего образования» становится масштабным знаком времени. Опережающее образование названо во Всемирном докладе Юнеско (2016 г.) «глобальным вызовом» современности, «приоритетной задачей» в развитии всех стран планеты, также ключевым вопросом «выживания человечества».

<sup>5</sup> Рост качества образования в данной стратегии становится созвучным непрерывному обновлению знаний, совершенствованию профессиональных навыков, профессионального мастерства, непрерывного профессионального роста. И это, разумеется, актуальные сегодня задачи. Вместе с тем, в данной модели стратегий опережающего образования устойчиво реализуется достаточно ограниченная и ограничивающая его онтологический, экзистенциальный потенциал – матрица «знания парадигмы». Ее ключевыми «точками напряжения» в развитии образования автору представляются: прочно утвердившаяся в праксеосфере образования «логика абстрактного гуманизма» и «методология механицизма», реализующая соответствующие приемы работы со сложными самоорганизующимися системами [Арутюнян, 2004]. Понятно, что именно «знания парадигма» становится вполне созвучной общим тенденциям саморазвития социума в векторах техногенной динамики, в том числе, – актуальной сегодня атрибутики инноваций, сопутствующих становлению новой, «цифровой цивилизации».

ке, необходимо заданное онтологической мерой целостности телесной, социальной и духовной его воплощенностей, подменяется отчужденным, внешним. «Энергия культурного человека, – очень точно подметил О. Шпенглер, – устремлена вовнутрь, энергия цивилизационного – на внешнее». Человек, выстраивая свой исторический Путь (в логике западно-европейской модели развития цивилизации), стал целиком зависимым от научной рациональности и технологии. Это привело, как справедливо отмечает К. Х. Делокаров «... к отставанию мира морали от мира науки и мира техники». И незамедлительно приводит к коренной трансформации системы ценностей человека. Пытаясь «внешне» утвердить себя в пространстве мира, человек забывает о «внутреннем», человеческом – морали, нравственных качествах, «забывает о необходимости самоуглубления, самоутверждения, саморазвития» [Делокаров, 1997. С 104–112].

Тотальное господство в сфере повседневности «массовой культуры» бесцеремонно моделирует уничижительные механизмы «опрощения» человека. Примитивизируется язык – экзистенциальный «Дом бытия» (М.Хайдеггер); деформируются потребности и мотивы; опрощаются цели, действия, поступки человека. Выхолащивается подлинно человеческое, духовно-нравственное. Онтологически выверенное, и значимое бытие становится далеким, отчужденным и переносится за барьер непреодолимых «предельных» оснований экзистенции. Моральная норма перестает мотивировать нравственный поступок человека. Именно о подобных процессах и состояниях свидетельствуют многочисленные метаморфозы современного образования. Ментальные образы человеческого бытия гротескно рисуются причудливыми формами его онтологических разрывов – нестабильности, фрагментарности и угасания. «Мировоззренческая черная дыра», «трансгуманизм», «расчеловечивание», «текучая социальность», «клиповое сознание», «лоскутная культура» и др. лексемы обозначают характерные черты многомерных экзистенциальных кризисов.

**Пределы традиций и неустрашимость новаций.** Колыбель практической логики «нравственного императива» – традиционный тип культуры – воспроизводит устойчивость исторического социокода. Понятие социокода характеризует глубинное устойчивое ядро цивилизации и культуры, воспроизводящее культурно-исторические ценности и социальные нормы, регулирующие стабильное функционирование и саморазвитие социального организма. Социальная стабильность становится необходимой основой гармоничной инкультурации, образования человека. Исторические типы целостного мировоззрения – «мифология», «религия», «философия», «художественное мировоззрение» – в традиционных типах социальности становятся ментальной основой гармонизации миров человеческого бытия, духовного и практического, его жизнедеятельности [Арутюнян, 2016]. Мировоззренческие контексты традиционных или «классических» культур стереотипно воспроизводят и упорядочивают многочисленные субординации и координационные связи социальной коммуникации; регулируют соотношения норм, правил, поступков; выбор ценностных предпочтений, значимых для той или иной локальной культуры. Закрепленная социокodem такой культуры устойчивость ее общественно одобряемых норм обеспечивает сознательное сотрудничество людей, надежность, предсказуемость, стандартность и общепонятность их поведения. Данный тип культуры максимально исключает влияние чисто субъективных моментов, мотивов и обстоятельств [Ерасов, 1994].

Отметим вместе с тем, что взгляд на модель традиционного типа культуры исключительно в качестве «застывшей» и статичной системы был характерен вплоть до начала XX в., что стало существенной нормативной установкой методологической ментальности. При этом одним из системообразующих стержней такой «традиционной», «локальной» культуры, отмечает В. В. Миронов, оказывалась именно «позитивная оценка научно-технического прогресса» с ее формулой «Разум – Логика – Просвещение». Не

случайно университет стал моделью культуры традиционного классического типа [Миронов, 2005. С. 140–141]. Такая культура транслирует позицию «аристократизма» в обосновании мира ценностей, претендующих на абсолютность, вечность, неизменность, на статус ценностей общечеловеческих. Это ценности «высокой культуры». Идеолополагающая элитарность и консервативность духовных ценностей и закрепляется, как мы видели, прочным адаптивным механизмом – социокodem такого типа культур.

С другой стороны, именно этот механизм подвергается мощнейшему воздействию современной цивилизации [Миронов, 2005. С. 142]. Совершенно очевидно, что в ритмах жизни современного мира существование традиционного типа «высокой», «эталонной» культуры в чистом виде весьма осложняется. Цивилизационные новации неустранимы, более того, в них могут набирать особую силу иные, в истоках своих свойственные и традиционной культуре, но не формирующие ее существо, элементы. Это состояния так называемой «низовой» культуры. Низовая культура (иначе – культура «карнавальная», «смеховая») сегодня, в определенной степени, сопоставима с массовой, экранной культурой. Создаваемая на основе цифровых технологий, соединения компьютера с видеотехникой и новейшими средствами связи, она обретает особый формат и особенный статус – цифровой, виртуальной реальности, входящей в каждый дом. И здесь, в новом формате и принципиально ином качестве, могут встречаться и на качественно новой основе пересекаться духовность, традиции и новации. Несомненно, без изучения механизма сложного взаимодействия напластований культуры невозможно понять объективные тенденции и механизмы трансформации ценностных приоритетов человека и соответственно к ним относиться, регулировать их становление, динамику в процессах инкультурации, социализации и образования. А взгляд на мир ценностей с позиций «иного» и «сложного» может обогатить и усилить нравственный потенциал культуры и ее

ценностного мира непосредственным обращением к сложной, противоречивой, кризисной социальной реальности [Мокий, Мокий, 2014 ; Очкина, 2014. С. 181–214; Франк, 1996].

**Русская духовность.** Духовная жизнь России многомерна, разнопланова и по своему уникальна. Она богата своей исторической традицией, опытом межконфессиональных отношений, навыками межкультурной коммуникации. Есть в ней и трагические страницы истории. Одна из них – самоопределение в мире цивилизационных ценностей при становлении русского национального самосознания. «Русская нация была лишена свободного развития своих национальных потенций», – отмечает в своем исследовании «Россия под ударами утопизма» Л. В. Фесенкова. Народ получал жесточайшие удары по национальному самосознанию и должен был постоянно адаптироваться к чужим ценностям и традициям, подвергаясь «систематическому духовному насилию» [Глобализация, 2010. С. 198]. Проблемы самооценки и национального самоутверждения народа остаются актуальными для России и сегодня, несмотря на то, что лояльность к Иной культуре в качестве характерной черты образа жизни, равно как и рефлексивный интерес к ценности ее «культурно-исторического особенного» стала визитной карточкой русской духовности и ознаменовалось в философской и литературно-художественной ментальности общим пафосом тематики «русского мировоззрения». Аналитически интересно в этом плане обращение к этимологии понятия «мировоззрение» и исследование его функционалов, наполненных национально-этическими смыслами в дискурсах российской ментальности и русской духовной культуры [Арутюнян, 2016].

Характеризуя отличительные черты русского мировоззрения, С. А. Франк связывает его существование с такими особенностями «русской души», русской ментальности, как интуитивное мышление и вчувствование [Франк, 1996. С. 162], то есть «надрациональность». «Мы-мировоззрение», в отличие от западного мировоззрения, берущего «Я» за отправ-

ную точку [Франк, 1996. С. 179], и «Миф-философия», в которой «жизненность Я создается сверхиндивидуальной целостностью человечества» [Франк, 1996. С. 159]; мировоззрение как продукт и выражение творящего индивидуального духа [Франк, 1996. С. 161]; антирационалистичность – свободная и ненаучная форма мировоззренческой теории, лежащая а религиозно-эмоциональном толковании жизни [Франк, 1996. С. 164–165]; стремление к умозрительности, к философской глубине и основательности [Франк, 1996. С. 165]; «духовная трезвость, воздержание от всякого рода восторженных состояний экзальтации», созвучных национальному русскому аскетизму; гносеологическим основанием русского мировоззрения видится жизненный опыт; познание как «внутреннее осознание и сопереживание», то есть «живознание» (И. В. Киреевский, Ю. Ф. Самарин, В. С. Соловьев) – как единственная основа истинного, полного познания [Франк, 1996. С. 167].

«Живознание» предстает особым способом познания, объединяющим логику, интуицию и волю на основе веры в Бога, ставящим обретение истины в зависимость от духовной целостности человеческой личности, познание внешнего мира – в зависимость от самопознания человека. «Живознание», по мнению русских философов, должно лежать как в основе индивидуального мировоззрения и образа жизни, так и в основе общественного строя. Именно на этом требовании, отмечает мысль И. В. Киреевского С. А. Франк, философ основывает свой идеал целостной жизни – в противоположность расщепленности и окостенению, господствующим на Западе [Франк, 1996. С. 167]. «Живознание» востребуется «живой жизнью» (Ф. М. Достоевский, В. В. Вересаев).

Специфической чертой русской мировоззренческой мысли XIX в., максимально проявившей себя, по мнению Н. А. Бердяева, в творчестве П. Я. Чаадаева, И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, К. Н. Леонтьева, Н. Ф. Федорова и в особенности Ф. М. Достоевского, является «подлинная свобода духа», противо-

речащая не только «авторитарной вере», но и «эгоистическому индивидуализму» и «атеистическому коллективизму», отрицавшему «личность как свободу духа» [Бердяев, 1991. С. 13]. Другой особенностью русской души и русской мысли Н. А. Бердяев считает идею соборности как идею «единения людей между собой и всех вместе с церковью», полагая слово «соборность» чисто русским, «не передаваемым» на иностранных языках не только из-за грамматических трудностей, но, прежде всего, по причине различий мировоззренческих, противопоставивших человека и церковь в протестантской и особенно католической традиции [Бердяев, 1991. С. 14]. Следующей особенностью русского мировоззрения мыслитель называет гуманизм, но гуманизм отличный от европейского гуманизма ренессансного типа, для которого характерно «самоутверждение», «обогащение» человека и «отрицание мира божественного». Русский гуманизм «пронизан человечностью, единством, «диалектикой божественного и человеческого». «Социальность» – это еще одна существенная черта русского философского мировоззрения, выразившаяся в утопиях о радикальном переустройстве мира [Бердяев, 1991. С. 14], в естественности сочетания идей социализма и религии, охарактеризованной в работе Н. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма».

И это лишь отдельные штрихи духовного богатства отечественной философии, побуждающей к истокам и возрождению духовности. Духовное наследие классических религий народов России, народной культуры и народных традиций; новые, настроенные на восприятие непреходящих ценностей духовной культуры, современные практики образования актуально значимы для нашей цивилизации, ее дальнейшего саморазвития, преодоления кризисных состояний и целостно-гармоничного подхода к активизации субъективного фактора – Человека в решении вопросов «прорывов», проективной деятельности, «опережающих стратегий», многочисленных «факторов роста» и «точек кипения».

**Список литературы:**

1. Арутюнян М. П. Феномен мировоззрения: историко-философский и методологический анализ : монография. Хабаровск : ХГБНУК Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2016. 336 с.
2. Арутюнян М. П. Идея «корпоративного духа» в образовании: методологический подход // Высшее образование в России. 2006. № 2. С. 78–82.
3. Арутюнян М. П. Мировоззрение и образование: становление новой парадигмы // Высшее образование в России. 2004. №12. С. 32–37.
4. Берестовицкая С. Э. Содействие школы мировоззренческому самоопределению старшеклассников : автореферат дисс. д-ра пед. наук. Санкт-Петербург, 2018. 43 с.
5. Бердяев Н. А. Мое философское миросозерцание // Н. А. Бердяев о русской философии / Сост. Б. В. Емельянов, А. И. Новиков. Ч. 1. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 19–25.
6. Бим-Бад Б. М. Опережающее образование: Теория и практика // Советская педагогика. 1988. № 2. С. 51–55.
7. Будущее России. Вызовы и проекты: Экономика. Техника. Инновации. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 334 с. (Будущая Россия. № 3.)
8. Глобализация и проблема сохранения культурного многообразия. М. : ИФ РАН, 2010. 239 с.
9. Гуревич П. С. Расколотость человеческого бытия М. : ИФ РАН, 2009.
10. Данилова М. П. Постмодернизм и кризис ценностей современного общества // Социальная онтология России. Сборник научных статей по докладам XII Всероссийских Копыловских чтений. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. С 33–37.
11. Делокаров К. Х. Социосинергетика и образование // Синергетика и образование. М., 1997. С. 104–112.
12. Ерасов Б. С. Социальная культурология: Пособие для студентов высших учебных заведений. В 2-х ч. М. : АО «Аспект Пресс», 1994. Ч. I – 384 с.; Ч. II – 240 с. (Программа: Обновление гуманитарного образования в России).
13. Князева Е. Н. Природа инноваций и некоторые проблемы инновационного управления // Управление: социально-философские проблемы методологии и практики. СПб. : Изд-во «Книжный дом», 2005. С. 123.
14. Крюков В. В. Сумма аксиологии: монография. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2018. 207 с.
15. Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем Синергетика и психология . Тексты. Вып. 1. Методологические вопросы. М. : Изд-во РАГС, 2003.
16. Миронов В. В. Философия и метаморфозы культуры : монография. М.: Современная тетрадь, 2005. 424 с. (Науч. б-ка «Современных тетрадей». Философия).
17. Мокий М. С., Мокий В. С. Трансдисциплинарность в высшем образовании: экспертные оценки, проблемы и практические решения. URL: <http://www.science-education.ru/pdf/2014/5/87.pdf>
18. Павленко А. В. Высшие ценности как социально-философская проблема : автореф. дисс. канд. ист. наук. – спец. 09.00.11 (социальная философия). Тамбов, 2003.
19. Очкина А. Новое социальное государство как модель посткризисного развития // Логос. 2014. №2 (98). С. 181–214.
20. Розанов В. В. Сумерки просвещения. М. : «Педагогика», 1990. 624 с.
21. Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. 738 с.
22. Храпов С. А. Техногенный человек: проблемы социокультурной онтологизации // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 66–77.

**Библиографическое описание статьи**

Арутюнян М. П. Духовно-нравственный потенциал России в самосохранении ценностного мира культуры // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 2 (87). С. 107–116. DOI 10.22394/1818-4049-2019-87-2-107-116

**Margarita P. Arutyunyan** – Doctor of Philosophy, Head of the chair of philosophy and social and humanitarian disciplines, the Pacific State University (136, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680035, Russian Federation). E-mail: mpa@email.su

## **Spiritual and moral potential of Russia in self-preservation of the value world of culture**

*The author addresses civilizational challenges and existential risks of techno-genic civilization; mechanisms of destruction of its spiritual values; characterizes crisis phenomena of modern education is discussed. It connects them with the loss of formation of its anthropological essence, destruction of the worldview paradigm and the dominance of technological strategies. When discussing "advancing education", justifies the importance of education ontological integrity of phenomena of "man"–"world"–"education"–"culture". The spiritual and moral potential of Russia in the self-preservation of the value world of culture, referring to the national cultural and historical tradition of self-preservation of forms of a holistic worldview in the context of Russian philosophy, the potential of classical religions of Russia, folk cultures, experience of ethnic and inter-confessional communication is characterized. Raising questions of activation of a subjective factor of modern history and culture, the author raises the questions of need, on the one hand, to improve the system of management, activating the available positive and life-affirming achievements of civilization, and, with another, – to effectively resist to the available destructive tendencies of its self-development.*

**Keywords:** Key words: techno-genic civilization, risks, gaps of being, crisis of culture, spiritual values, holistic worldview, advanced education, traditions-innovations.

### **References:**

1. Arutyunyan M. P. The Phenomenon of Worldview: Historical-Philosophical and Methodological Analysis: a Monograph. Khabarovsk: KhGBNUK Khabarovsk Regional Museum them. N.I. Grodekova, 2016. 336 p. (In Russian).
2. Arutyunyan M. P. The idea of «corporate spirit» in education: a methodological approach *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* [Higher education in Russia], 2006, no. 2, pp. 78–82. (In Russian).
3. Arutyunyan M. P. Worldview and education: the formation of a new paradigm *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* [Higher education in Russia], 2004, no. 12, pp. 32–37. (In Russian).
4. Berestovitskaya S. E. The School's Assistance to the World Outlook Self-Determination of High School Students: Abstract of a Diss. dr ped sciences. St. Petersburg, 2018. 43 p. (In Russian).
5. Berdyaev N. A. My philosophical outlook. N. A. Berdyaev on Russian philosophy. Comp. B. V. Emelyanov, A. I. Novikov. Part 1. Sverdlovsk: Publishing house Ural. Un-ta, 1991, pp. 19–25. (In Russian).
6. Bim-Bad B. M. Advanced Education: Theory and Practice *Sovetskaya pedagogika* [Soviet Pedagogy], 1988, no. 2, pp. 51–55. (In Russian).
7. The future of Russia. Challenges and projects: Economics. Equipment. Innovation. M.: LIBROCOM Book House, 2014. 334 p. (Future Russia, no. 3.) (In Russian).
8. Globalization and the problem of preserving cultural diversity. M.: IFRAN, 2010. 239 p. (In Russian).
9. Gurevich P.S. The Schisseness of Human Being M.: Institute of Physics, RAS, 2009. (In Russian).
10. Danilkova M.P. Postmodernism and the crisis of values of modern society. Social ontology of Russia. Collection of scientific articles on the reports of the XII All-Russian Kopylov Readings. Novosibirsk: NSTU Publishing House, 2018, pp. 33–37. (In Russian).
11. Delokarov K. Kh. Socio-Synergist and Education *Sinergetika i obrazovaniye* [Synergetics and Education]. M., 1997, pp. 104–112. (In Russian).
12. Erasov B. S. Social Cultural Studies: A Handbook for University

Students. In 2 hours. M.: Aspect Press JSC, 1994. Part I - 384 p.; Part II - 240 p. (Program: Updating of humanities. Education in Russia). (In Russian).

13. Knyazeva Ye. N. The nature of innovations and some problems of innovation management *Upravleniye: sotsial'no-filosofskiye problemy metodologii i praktiki* [Management: socio-philosophical problems of methodology and practice]. SPb. : Publishing House «Book House», 2005, p. 123. (In Russian).

14. Kryukov V. V. Summa Axiology: monograph. Novosibirsk: NSTU Publishing House, 2018, 207 p. (In Russian).

15. Kurdyumov S.P. Laws of evolution and self-organization of complex systems Synergetics and psychology. Texts. Issue 1. Methodological issues. M.: Publishing house of RAGS, 2003. (In Russian).

16. Mironov V.V. Philosophy and Metamorphoses of Culture: a monograph. M.: Modern notebooks, 2005, 424 p.

(Scientific. B-ka «Modern Notebooks.» Philosophy). (In Russian).

17. Moky M.S., Moky V.S. Transdisciplinarity in higher education: expert assessments, problems and practical solutions. URL: <http://www.science-education.ru/pdf/2014/5/87.pdf> (In Russian).

18. Pavlenko, A.V. Higher Values as a Socio-Philosophical Problem: author. diss. Cand. ist sciences. - special 09.00.11 (social philosophy). Tambov, 2003.

19. Ochkina A. New social state as a model of post-crisis development *Logos* [Logos], 2014, no. 2 (98), pp. 181–214.

20. Rozanov V.V. Twilight Enlightenment. M.: Pdagogika, 1990, 624 p. (In Russian).

21. Frank S.L. Russian worldview. SPb., 1996, 738 p. (In Russian).

22. Khrapov S. A. Technogenic man: problems of sociocultural ontologization *Voprosy filosofii* [Philosophy issues], 2014. no. 9, pp. 66–77. (In Russian).

---

### Reference to the article

Arutyunyan M. P. Spiritual and moral potential of Russia in self-preservation of the value world of culture // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 2 (87). Pp. 107–116. DOI 10.22394/1818-4049-2019-87-2-107-116

---